

— Р-р-ру-у, гав-гав! — разнеслось по округе.

Ван Сюань весь так и просиял.

— Это Дагуай и Сяогуай!

Бросив спутников, он со всех ног помчался на лай. Секунда — и на лесной тропинке показались два крупных, стремительно несущихся пса.

— Дагуай! Сяогуай! — радостно закричал Ван Сюань.

— Гав-гав-гав! У-у-у! — звонко отозвались собаки еще издалека.

Они неслись друг другу наперерез. В самый последний момент, когда столкновение казалось уже неизбежным, Ван Сюань замер, широко раскинув руки. Псы резко затормозили, взрыхлив когтями влажную землю, и дружно прыгнули прямо на него. Парень крепко обхватил их обеими руками и от толчка повалился на траву, плюхнувшись прямо на землю.

Подоспевшие Гоудань, Дафу и Цичжи застали трогательную картину: Ван Сюань сидел на земле в обнимку с собаками, а те наперебой облизывали его счастливое лицо. Хвосты псов крутились с такой скоростью, что сливались в сплошное колесо. И человек, и животные были вне себя от радости.

Лишь когда Гоудань подошел ближе, собаки учуяли его запах и нехотя отлипли от Ван Сюаня. Они подбежали к нему, преданно поскуливая и повилая хвостами. Гоудань ласково потрепал обоих по загривкам, после чего псы снова бросились к Ван Сюаню, продолжая ластиться и тереться о его колени.

— А Дагуай с Сяогуаем заметно раздобрели, — заметил Дафу, похлопав Гоуданя по плечу. — Когда я в прошлый раз приезжал, они всё сидели на развилке у вашей улицы. Дядя Ли Сы говорил, они вас там караулят.

Попрощавшись с Ван Сюанем и Гоуданем, Дафу и Цичжи зашагали дальше. До их домов нужно было идти через всю деревню, тогда как жилье Гоуданя стояло у самого въезда, чуть в стороне, на небольшом отшибе.

Гоудань со вздохом подобрал брошенную Ван Сюанем сумку. Всю оставшуюся дорогу он обреченно наблюдал за тем, как его спутник то и дело останавливается, чтобы приобнять собак или потрепать их за ушами. Нормально идти не получалось: псы так и норовили запрыгнуть Ван Сюаню на грудь.

— Кажется, они похудели, — озабоченно пробормотал Ван Сюань. — Одни ребра да шерсть под пальцами.

«Они же собаки, у них всё тело в шерсти, чему там еще быть?» — мысленно усмехнулся Гоудань, но вслух сказал:

— Просто вытянулись. Посмотри, какими высокими стали, пока нас не было. Растут ведь, не могут же они вечно оставаться круглыми пухлыми щенками.

— До безумия по ним скучал! — признался Ван Сюань. — Интересно, бегали они в лес охотиться без нас? Ой, постой, Гоудань-гэ, глянь-ка... Что это у Дагуая в ухе? Неужели клещ? Боже, откуда эта пакость взялась? Они же всегда у нас чистыми ходили! Где они умудрились подцепить? Гляди, у него за ухом даже шерсть вылезла, лысина осталась.

— Наверное, от соседских набрались, — предположил Гоудань. — В деревне сейчас многие завели собак. А они ведь общаются друг с другом, бегают стаей.

— Так не пойдет. Быстрее домой, нужно срочно приготовить мазь, — нахмурился Ван Сюань. Он терпеть не мог паразитов и готов был немедленно объявить им войну.

Благодаря этому происшествию Ван Сюань наконец-то пошел нормальным шагом. А то с их нежностями дорога, которая обычно занимала от силы пару минут, грозила растянуться до вечера.

— Отец! Мы вернулись! Отец! — позвал Гоудань, перешагивая порог.

— Дяди Ли Сы, наверное, дома нет, — огляделся Ван Сюань. — Наверное, в поле, на работе.

— Должно быть, так, — уныло отозвался Гоудань.

Не застав отца дома в первые же минуты, он немного приуныл. Все дети устроены одинаково: возвращаясь после долгой разлуки, они ждут, что родители встретят их прямо у порога. Только тогда на душе становится спокойно и уютно, а иначе внутри поселяется щемящая пустота.

Не зря ведь говорят, что ребенок за порогом может капризничать сколько угодно, но, вернувшись, первым делом зовет мать с отцом и просит есть.

За всю жизнь Ли Сы почти не вел с сыном умных разговоров и не учил его житейской мудрости, но само его присутствие дарило Гоуданю чувство абсолютной защищенности. Что бы ни происходило во внешнем мире, дом, где ждал отец, всегда оставался надежной гаванью. Пусть Ли Сы был человеком тихим и незаметным, потерять его было бы самым страшным ударом. За этот месяц вдали от дома Гоудань очень сильно по нему соскучился.

Ван Сюань достал из своего пространственного кармана два цзиня свежего мяса, за которыми они спозаранку стояли в очереди. Гоудань привычно принялся разводить огонь в печи. Они работали слаженно, как и прежде.

Вскоре по двору поплыл аппетитный аромат еды, и как раз в это время вернулся Ли Сы. Увидев еще с улицы белый дымок, вьющийся над трубой, он расплылся в беззубой улыбке. Сын дома!

Он прибавил шаг и, заметив в дровянике Гоуданя, усердно коловшего поленья, радостно закричал:

— Гоудань! Вернулся, сынок! Ну-ка оставь топор, брось, отец сам всё сделает! Ты же с дороги, умаялся небось на своей учебе. Иди отдохни, я сам!

Гоудань тоже не мог сдержать радости при виде отца.

— Да ладно тебе, батя, дело нехитрое. В школе целыми днями за партой сидишь, аж кости ломит, так и заржаветь недолго. Надо хоть размяться маловато.

— Ну что за глупости, заржаветь он решил, — беззлобно проворчал Ли Сы, сияя от гордости. — Учеба — это тебе не лопатой махать, тут голова работает, устаешь сильнее. Слышал я, тебя там старостой класса выбрали? Вот же молодец!

Ли Сы так и распирало от гордости за сына. «Мой сын и в городе самый лучший!» — с замиранием сердца думал он.

— Да, мы с Ван Сюанем теперь в старостате, — улыбнулся Гоудань. — Всё у нас хорошо, в городе оказалось вовсе не так страшно, как мы думали.

Услышав голоса, из дома вышел Ван Сюань:

— Дядя Ли Сы, с возвращением! Обед уже на подходе, умойтесь с дороги, и будем садиться.

— Хорошо, хорошо, сейчас умоюсь, — засуетился Ли Сы. — Сынок, бросай дрова, на сегодня хватит, не надрывайся.

Он никак не мог наглядеться на вернувшегося сына, и широкая улыбка не сходила с его лица.

За обедом старик то и дело подкладывал Гоуданю лучшие кусочки, так что у того в миске выросла целая гора. Сам Ли Сы почти ничего не ел, только любовался сыном. Ван Сюаню тоже перепало угощение, пусть и чуть скромнее.

— Батя, прекрати, я так лопну, — взмолился Гоудань, перекладывая часть еды обратно в тарелку отца. — Не надо мне больше подкладывать, я сам справлюсь.

— Ладно, ладно, ешь давай, — закивал Ли Сы, наотрез отказываясь забирать еду назад.

Гоуданю ничего не оставалось, кроме как приняться уплетать обед за обе щеки.

Когда с обедом было покончено, Ли Сы продолжил крутиться вокруг сына, засыпая его расспросами и заботой. Гоудань, уже не зная, куда деваться от такого внимания, в конце концов ласково, но настойчиво спровадил отца на кан — немного прилечь и отдохнуть.

Ван Сюань тем временем достал каменную ступку и принялся толочь лечебные травы. Ли Сы, не привыкший спать посреди дня, вскоре завозился, поднялся, притащил низкую табуретку и устроился рядышком. Он просто сидел и с тихим умилением наблюдал за тем, как хлопочут мальчишки.

— Как вы уехали, Дагуай с Сяогуаем совсем извелись, — неторопливо заговорил Ли Сы. — Каждый день по деревне круги нарезали, вас искали. Потом повадились к школе в коммуне бегать — караулили у ворот, а как деревенские ребятишки с уроков шли, увязывались за ними назад. По ночам скулили так жалобно, даже мышей ловить перестали. Я им с утра еды навалю в миски — и на работу. Они проголодаются, поедят потихоньку... Хорошие псы, преданные, всё понимают.

Старик неторопливо изливал душу. За один этот полдень он наговорил больше, чем за предыдущие несколько лет — видать, и впрямь истосковался по сыну. Но как бы сильно ему ни хотелось побыть с детьми, время не ждало — нужно было возвращаться в поле. Сын теперь учился в городе, а на это требовалось немало зерна и денег. Узнав от Гоуданя, что в этот раз праздничные выходные затянутся на несколько дней, Ли Сы, сияя счастливой улыбкой, ушел на работу.

Ван Сюань и Гоудань наконец-то смогли расслабиться в родных стенах. Едва забрезжил рассвет, они наскоро завтракали и убегали в лес вместе с собаками. Горные склоны то и дело оглашались веселыми криками и звонким лаем.

— Тихо, не давай им лаять, скрадываем зверя, — шепнул Гоудань, наклоняясь к Ван Сюаню.

Тот послушно обнял собак за шеи и тихонько зашептал им на ухо. Псы словно поняли каждое слово: мгновенно затихли, пригнули головы к самой земле и бесшумно пошли следом за хозяевами, готовые в любой момент броситься на добычу.

Подобравшись поближе, Гоудань жестом приказал собакам застыть на месте, а сам осторожно пополз вперед сквозь густые заросли. Обитатели леса мирно занимались своими делами, даже не подозревая о грозящей опасности.

Гоудань заранее окропил одежду особым порошком, перебивающим человеческий запах, и заходил с подветренной стороны. Впрочем, в дремучей лесной чаще направление ветра мало на что влияло — густые кроны почти не пропускали воздух, и любой посторонний запах мгновенно разносился среди деревьев, выдавая охотника чутким зверям.

Снадобье, приготовленное Ван Сюанем, пришлось как нельзя кстати. Использовать усыпляющий порошок в этот раз они не рискнули — слишком велик был шанс случайно вдохнуть его самим и уснуть посреди дикого леса.

С возвращением сына жизнь Ли Сы заиграла новыми красками, да и еда в доме стала куда сытнее. Гоудань почти каждый день ухитрялся приносить из леса добычу, которую они тут же втихаря свеживали и варили. Старик помалкивал: что сын на стол ставил, то он и ел. Конечно, в душе его шевелилось смутное беспокойство — всё-таки они занимались браконьерством и ели дичь тайком, в обход артельных правил, не сдавая добычу на общий склад бригады.

Однако Ли Сы прекрасно знал, насколько его сын умен и осторожен: раз пообещал, что никто ничего не узнает, значит, так оно и будет. Когда готовили обед, мясо никогда не жарили и не тушили подолгу, чтобы не привлекать соседей сильным ароматом и не навлекать на себя беду. Удивительно, но Ван Сюань знал какой-то особый секрет: мясо получалось невероятно сочным и нежным, а запаха на всю улицу не стояло. За едой они не оставляли ни капли бульона, а все кости до единой скармливали Дагуаю и Сяогуаю. Никаких улик не оставалось вовсе.

Ли Сы всякий раз вздыхал, сокрушаясь о таком расточительстве, но продолжал уплетать мясо за обе щеки. Сын строго-настрого запретил оставлять недоеденное на потом — вдруг кто-то из соседей зайдет в гости и застукает их за сытным обедом? Всё должно было исчезать без следа, а надежнее всего прятать еду в собственном желудке.

Так все трое за каждым приемом пищи молча и споро уничтожали принесенное мясо, вымакивая тарелки досуха. Спустя пару дней Ли Сы поймал себя на мысли, что чувствует в теле небывалую легкость и сытость. Это была настоящая, здоровая сытость сытого человека, а не то вечное, сосущее под ложечкой чувство голода, к которому он привык за долгие годы скудной деревенской жизни.

В этот раз Гоудань не стал сушить мясо про запас. Из купленной по возвращении свинины они вытопили немного сала. Смальца получилось совсем чуть-чуть, но, зная бережливость Ли Сы, этого запаса ему вполне должно было хватить до следующих каникул ребят.

В пространственном кармане Ван Сюаня хранился изрядный запас отборного свежего мяса, включая тушки трех диких поросят. С крупными кабанами связываться ребята пока не решались, зато ловить отбившихся от стада подсвинков у них получалось на удивление ловко: быстрый удар — и поминай как звали.

Дома они эти трофеи, разумеется, не показывали, чтобы не пугать Ли Сы раньше времени. Тот пребывал в полной уверенности, что мальчишки просто гоняют с собаками фазанов да белок, изредка добывая зайца, а чаще всего приносят мелкую рыбешку да лесную птицу. Ли Сы со спокойным сердцем отпускал сына в лес, даже не подозревая, что эти сорванцы уже всю хозяйничают в самой глуши, пробираясь в глубокие горные ущелья.

В этот день Ван Сюань снова принялся готовить противопаразитарный порошок. Он никак не мог взять в толк: все углы в доме давно обработаны, ни одной блохи или клеща в жилых

комнатах не сыщешь, но на шерсти Дагуая и Сяогуая то и дело обнаруживалась всякая ползучая пакость, что несказанно его раздражало. В самый разгар работы, когда он усердно толлок коренья в ступке, со двора донеслось жалобное поскуливание Дагуая.

Ван Сюань встревоженно поспешил на задний двор посмотреть, что стряслось, и замер от возмущения. Какая-то чужая здоровенная псина нагло запрыгнула на их Дагуая сзади, вцепилась зубами ему в загривок и всю прижимала к земле! Бедный Дагуай, которого так бесцеремонно оседлали, только жалобно скулил и не знал, куда деваться.

От такой наглости у Ван Сюаня аж дыхание перехватило. Разозлившись не на шутку, он схватил из поленницы увесистую кочергу и с криком бросился на наглого пришельца.

<http://bllate.org/book/19654/1996740>